



Андрей Ра  
Мистер Харт

18+

# Андрей Ра Мистер Харт

*<https://litres.ru/74197448>*

*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Эдит Лоу — пустое место. Мать не замечает, одноклассники травят, учителя забывают имя. Такой она приходит в лабораторию мистера Харта — школьного биолога, который попросил её остаться после уроков. Но Харт — не тот, кто спасает. Он — тот, кто наблюдает и в Эдит он видит не жертву. Он видит материал.

Это история не про любовь. Не про соблазнение. Не про спасение. Это триллер о том, что бывает, когда тебя впервые замечают, но не для того, чтобы спасти.

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Моль                     | 4  |
| Глава 2. Лягушка                  | 11 |
| Глава 3. После уроков             | 18 |
| Глава 4. Подвал                   | 27 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 28 |

# Мистер Харт

## Глава 1. Моль

Будильник не прозвенел. Эдит Лоу проснулась за четыре минуты до него, как всегда. Она лежала на спине, смотрела в потолок и ждала. Извилистая трещина в штукатурке убегала от люстры к углу, как русло пересохшей реки. За три года она выучила каждый её изгиб. Четыре минуты прошли и будильник зазвенел. Девочка протянула руку, нажала кнопку, села на кровати.

В доме пахло вчерашним кофе и сыростью. Старый дом на окраине Хейвена, деревянный, с просевшим крыльцом и оконными рамами, которые рассыхались каждую осень. Эдит спустилась в ванную, стараясь не наступать на половицы, которые скрипели особенно громко. Мать уже гремела посудой на кухне. Радио бормотало прогноз погоды: к вечеру дождь, ветер северный, похолодает до сорока пяти<sup>1</sup>. Мэн в октябре означал лишь сырость, забирающуюся под одежду, и небо цвета старого свинца.

Закрыла за собой дверь ванной. Выдохнула. Зеркало поймало её лицо. Бледное. Очки в тонкой оправе, дужка перемотана пластырем. Брекеты, металлическая дуга через зу-

---

<sup>1</sup> По Фаренгейту

бы, которую она ощущала языком каждую секунду бодрствования. Она раздвинула губы, чтобы посмотреть, не застряло ли что-то. Зубы выровнялись, но ортодонт сказал носить ещё минимум полгода. Ещё полгода быть механизмом. Уныло фыркнув, девочка защёлкнула рот. Провела расчёской по тёмно-русый волосам, они были тонкими, без блеска. Раз. Второй. Всё. Пряди висели вдоль лица ровно настолько, чтобы мать не сделала замечание. Эдит не заправляла их за уши, не собирала в хвост. Не видела в этом смысла.

Одежда лежала на стуле подготовленная ещё с вечера. Футболка тёмно-зелёная, купленная в секунд-хенде у заправки, джинсы, протёртые на коленях не от моды. Носки разные — один синий, один чёрный. Лоу заметила это, но переодеваться не стала. Натянула кеды, взяла рюкзак с пола, вышла на кухню.

Мать сидела за столом, подперев голову рукой. Перед ней стояла чашка с остатками кофе и пепельница, полная окурков. Женщина даже не подняла глаз на дочь. Эдит взяла с холодильника коробку с ланчем, мать собрала её также с вечера, молча, механически, как насыпают корм кошке. Завтрак длился шесть минут: тост, сок, шелест откусываемого хлеба в тишине. Радио передало сводку: на шоссе номер девять авария, задержите рейсы на Бангор. Мама переключила станцию. Дочь дожевала, смахнула крошки в раковину и направилась к двери. Накинула сверху старую джинсовую куртку, короткую, не по размеру, но другой не было. Бросила в пу-

стоту дома: «Я в школу». Ответа не ждала, он никогда не звучал. Дверь за ней закрылась.

Улица встретила её октябрьским ветром. Лоу спускалась с крыльца, вдыхая запах мокрой листвы и далёкого дыма, кто-то жёг листья, хотя это запрещено. Она прошла мимо автобусной остановки. Автобус ещё стоял, но она не ускорила шаг. Ей хотелось идти пешком. Считать шаги. Не думать.

Эдит свернула на соседнюю улицу. Мимо заколоченной аптеки с выцветшим зелёным крестом, мимо витрины, где годами висела табличка «Скоро открытие», но никто не открывал. Заправочная станция «Галф» встретила запахом бензина и жареного лука из придорожной закусочной «У Билла» тянуло горелым жиром. Плакат на двери: ярмарка в Бангоре, июль девяностого. Второй год висит. Эдит шла мимо ржавых путей, мимо прачечной, из дверей которой вырвался горячий влажный воздух. Пёс за забором залаял, но она не вздрогнула, уже привыкла. Четыреста восемьдесят шагов до школьного двора. Она считала каждый.

Школьный двор возник из-за поворота. Хейвенская региональная средняя — бетонная коробка на холме, серая, с облупившейся краской и высокими окнами. До звонка оставалось минут пятнадцать. Старшеклассники курили за трансформаторной будкой, у крыльца толпились ученики, кто-то смеялся, кто-то бежал к дверям. Лоу опустила голову и обогнула двор по кромке, мимо мусорных баков, где пахло гнилыми яблоками. Чёрный ход был открыт, и девочка про-

скользнула внутрь.

В коридоре гудело. Хлопали дверцы шкафчиков, гремели голоса, кто-то бежал, кто-то свистел. Эдит шла сквозь толпу, втянув плечи. Никто не задевал её, не потому что уважали, а потому что не замечали. Она подошла к своему шкафчику. Дверца приоткрыта — замок сломан ещё в прошлом месяце, а миссис Гримсби из администрации только развела руками: бюджет урезали, новых замков не завезли, жди. Школьница ждала.

Потянула ручку и запах ударил в нос, резкий, едкий, как в подворотне у прачечной, где бродячие коты метят стену. Моча. Внутри — месиво. Учебники промокли насквозь, страницы слиплись в оранжевый ком. Осколки стекла усыпали полку, кто-то разбил бутылку из-под сока прямо в шкафчик. Поверх всего растеклось тёмное пятно. Эдит стояла, дышала через рот, а пальцы сжали лямку рюкзака.

Краем глаза девочка видела их. Бекка Фостер у окна со своей свитой, шагах в десяти. Рыжая, с идеально уложенной чёлкой, смотрела прямо на неё. Ухмылялась. Ждала. Дерек стоял у лестницы с друзьями, руки в карманах, ленивый прищур. Тоже ждал. Ждали, когда жертва заплачет. Ждали, когда побежит к директору. Всегда ждали и она всегда давала им то, что они хотели. Раньше. Теперь нет. Она втянула воздух через рот. Раз. Два. Три. Не дождутся.

Тетрадь по биологии лежала сверху, уголок немного намок, но страницы могли уцелеть. Эдит вытащила её. Един-

ственная вещь, которую она вела хорошо. Аккуратные схемы, ровные строчки, ни помарки. Она стянула с плеч рюкзак, вынула из кармана бумажную салфетку, что осталась там с вчерашнего ланча. Промокнула обложку. Бумага сразу размокла, пошла катышками. Эдит бросила салфетку в урну у соседнего шкафчика. Тетрадь осталась влажной, но хотя бы не текла.

— Эдит Лоу, — голос за её спиной прозвучал ровно, без вопросительной интонации.

Школьница обернулась. Мистер Харт стоял от неё в трёх шагах. Лабораторный халат поверх тёмной рубашки. Пепельные волосы зачёсаны назад, одна прядь выбилась и падала на лоб. Он смотрел на шкафчик, на лужу, на осколки, на надпись «МОЛЬ» кривыми буквами на дверце. Потом на тетрадь в её руках. После уже на неё саму.

Эдит замерла. Сейчас пройдёт мимо. Сейчас поморщится и отвернётся. Все проходят мимо. Все отворачиваются. Она ждала привычно, как ждут автобус, зная, что тот запоздал. Только Харт не отворачивался, учитель смотрел на неё. Не на лужу, не на учебники. На неё. Глаза его светлые, не разобрать, серые или блёкло-голубые. Взгляд был спокойным, изучающим, без тени какой-либо брезгливости. Запаха будто не существовало. Будто в коридоре были только они двое. Девочка почувствовала, как горло перехватило. Она не знала, что делать с таким взглядом. Она привыкла к другому.

Тишина затянулась. Бекка за спиной Харта что-то шепну-



ла, девочки из её свиты раздавили едкий смешок. Учитель не повернулся, протянул руку к ученице.

— Тетрадь. Покажите.

Голос по-прежнему ровный. Ладонь сухая, пальцы длинные. Эдит отдала ему тетрадь. Он открыл её, пролистал, схемы, заметки, ровные строчки. Почерк мелкий, старательный, буквы жались друг к другу. Страницы внутри уцелели. Учитель закрыл тетрадь, протянул обратно.

— Зайдите после уроков в лабораторию.

Эдит непонимающе моргнула.

— Хорошо, мистер Харт, — только и ответила она ему.

Он развернулся и пошёл по коридору. Халат висел на плечах неподвижно. Шаги гулко отдавались от стен. Бекка проводила того взглядом, потом перевела взгляд на Лоу. Ухмылка вернулась, но уже какая-то неуверенная. Спектакль не удался, подумала Эдит. Зритель ушёл.

Дребезжащий звонок разорвал гул коридора, и школьница вздрогнула. Все вокруг пришли в движение, хлопали дверцы, гремели шаги, голоса сливались в общий шум. Она задвинула дверцу шкафчика, она не закрылась, просто прилегла к раме. Сунула тетрадь в рюкзак, пошла на урок. В спину полетело:

— Эй, мошь, чё крылья не отсырели?

Свита Бекки захихикала. Эдит не обернулась. Тридцать два шага до двери класса. Восемь до первой парты. Села на своё место у окна, батарея грела бок. За окном качались жёл-

тые деревья. Она вытащила тетрадки из рюкзака, положила на стол и разгладила мокрый уголок тетради по биологии.

Класс наполнялся, парты скрипели, сумки падали на пол. Девочка смотрела в окно и думала, не о уроке, а о мистере Харте. О том, как он стоял и смотрел. На неё, именно на неё — не на грязь, не на надпись, не на осколки. Смотрел так, будто заметил. Будто всё остальное не имело значения, но если заметил, почему ничего не сказал? Почему просто «зайдите после уроков»? Может, и не заметил вовсе. Может, ему всё равно, как всем и взгляд его был не про неё. Учитель биологии увидел мокрую тетрадь и решил дать задание, какую-нибудь отработку. Вот и всё.

Эдит открыла влажную тетрадь, страницы внутри уцелели. Схемы, заметки, ровные строчки. Единственное, что у неё оставалось. девочка закрыла её. В класс вошёл учитель. Начался урок.

## Глава 2. Лягушка

Последний урок закончился без звонка. Миссис Донован отпустила класс на три минуты раньше, у неё болела голова, она тёрла виски пальцами и морщилась, как от яркого света. Ученики повалили в коридор, роняя стулья и перекрикиваясь. Эдит же задержалась. Она собирала вещи медленно: поправила стопку учебников, проверила молнию на рюкзаке, пересчитала карандаши в пенале. Тетрадь по биологии лежала сверху, влажный уголок уже подсох и пошёл волнами. Девочка провела по нему пальцем. Бумага стала хрупкой. Сунула тетрадь в рюкзак и вышла в коридор.

Школа всегда пустела быстро. Голоса угасали в дальнем конце, хлопали двери, где-то смеялись, последний всплеск перед тишиной. Школьница шла к лабораторному крылу, считая шаги. Двадцать восемь до поворота. Четырнадцать до лестницы. Эдит думала о том, зачем мистер Харт позвал её? Отработка? Мытьё пробирок или сортировка препаратов? Кого ещё заставить, выполнять рутинную работу — не Бекку же, не Дерека, да никого другого. Никто бы не пошёл, наверное. Они бы пожаловались родителям, и у Харта были бы неприятности. Она же — другое дело. Она не жалуется. Кому? Матери? Та не смотрит. Директору? Он не запомнил её имени за два года. Лоу всё стерпит. Харт, наверное, тоже это понимал. Поэтому и позвал.

В лабораторном крыле стояла тишина, тут пахло формалином, с хлоркой — слабый отголосок, как от рубашки, которую застирали, но запах въелся навсегда. Дверь кабинета была приоткрыта. За ней горел свет, не полный, а только над центральным столом. Эдит остановилась. Внутри что-то сжалось, девочка одёрнула себя: ничего особенного. Просто отработка. Постучала.

— Входите, — разрешил ровный голос мужчины.

Кабинет был обычной школьной лабораторией: пять столов с чёрными столешницами, раковины, стеклянный шкаф с колбами и пробирками. На стеллажах вдоль стен учебные пособия: пластиковый скелет в углу, модель ДНК из цветного пластика, плакаты с анатомией лягушки и кровеносной системой человека, фотографии учёных на стенах. В банках за стеклом, законсервированные образцы тканей, ничего пугающего, обычный набор для старшей школы.

Мистер Харт стоял у центрального стола. Лабораторный халат застёгнут на все пуговицы. Пепельные волосы зачёсаны назад. Перед ним на подносе лежала лягушка, небольшая, зеленовато-бурая, с влажной кожей. Не мёртвая, горло слабо пульсировало. Лапки были зафиксированы булавками на восковой пластине.

— Вы просили зайти, мистер Харт, — Эдит неуверенно застыла в дверях.

— Да. Проходите ближе, — произнёс учитель, поднимая на ученицу глаза. Мне нужен ассистент для препарирования.

Сегодня будем вскрывать лягушку. Вы ведь не боитесь?

Вопрос прозвучал как утверждение. Он не спрашивал, он знал ответ. Лоу не боялась лягушек. Она боялась другого, но этого он не спрашивал. Она покачала головой.

— Я видел вас на прошлой неделе, — сказал Харт, беря с подноса скальпель. — Когда я показывал классу препарирование, все отвернулись. Вы — нет. Вы смотрели. Не на меня. На лягушку. На то, как скальпель входит в кожу, — он поднёс скальпель к свету, проверил лезвие. — Большинство людей отводят взгляд от того, что их пугает. Вы — нет. Это редкое качество. Мойте руки и приступим.

Эдит подошла к раковине, холодная вода потекла по пальцам. Мыло пахло той же хлоркой, школьное, дешёвое, из дозатора. Она тёрла руки и смотрела на лягушку. Та лежала неподвижно, только горло дёргалось. Живая, но как будто уже нет. Девочка закрыла кран, вытерла руки бумажным полотенцем. Села на высокий табурет у стола. Учитель протянул ей маленький скальпель с блестящим лезвием.

— Держите. Крепко, но не сжимайте. Скальпель — это продолжение ваших пальцев.

Школьница взяла, рукоятка была тёплой, от его рук. Её пальцы дрожали, она сжала их сильнее, дрожь только усилилась. Лезвие задрожало, ловя свет.

— Разрез делается по средней линии, — Харт встал позади неё.

Близко. Эдит услышала это раньше, чем поняла, тепло его

тела в нескольких дюймах от её спины. Запах мыла и хлорки стал отчётливее.

— От горла до брюшной полости. Медленно. Не отводите взгляд, — продолжил он.

Девочка поднесла скальпель к коже лягушки. Лезвие коснулось влажной поверхности и остановилось. Пальцы не слушались, она не могла нажать. В голове же пронеслось: школа пуста, коридор пуст, дверь закрыта. Если что-то случится, никто не узнает. Кому она расскажет? Никому. Её не станут слушать. Если она вообще сможет рассказать. Мужчина стоял вплотную, и бежать было некуда, табурет упирался в край стола. Пульс грохотал в ушах. Она вцепилась в скальпель, единственное, что было в руке.

Харт наклонился ниже и его дыхание коснулось её затылка.

— Вы напряжены. Расслабьте плечи. Страх — это реакция тела. Её можно контролировать. Дышите глубже.

Учитель твёрдо накрыл её руку своей. Пальцы легли поверх пальцев Лоу. Нажали. Лезвие вошло в кожу, лягушка дёрнулась. Эдит вздрогнула всем телом, попыталась отдёрнуть руку, но он держал крепко и не давал отстраниться, а отстраниться было некуда. Школьница замерла. Харт вёл скальпель вниз, ровно, по прямой линии. Кожа расходилась под лезвием. Девочка дышала через рот. Его рука всё ещё держала её. Ничего не происходило. Только разрез. Только лягушка. Только его голос над ухом.

— Теперь сами. Закончите разрез до брюшной полости.

Мужчина отпустил её руку. Отступил на шаг. Тепло исчезло. Эдит моргнула и неосознанно выдохнула. Она осталась одна, с лягушкой, скальпелем и колотящимся сердцем. Он не сделал ничего. Просто учил резать. Лоу выдохнула вновь и нажала на скальпель. Повела лезвие вниз. Кожа расходилась.

— Достаточно.

Ученица остановилась, отложила скальпель. Лягушка была раскрыта перед ней, внутренности влажно блестели под лампой. Сердце ещё билось, крошечный мешочек, сокращающийся всё медленнее. Эдит смотрела на него. В висках стучало, она не понимала, что это было. Он позвал её, поставил резать лягушку, стоял сзади, держал её руку... и всё? Никакой отработки? Никаких пробирок? Она не понимала и от этого непонимания кружилась голова.

— Уберите инструменты и вымойте руки, — произнёс Харт, он уже стоял у своего стола, спиной к ней, и писал что-то в журнале. — Потом подойдите.

Эдит сползла с табурета, ноги были ватные. Школьница положила скальпель в лоток, отнесла к раковине, включила воду. Холодная вода побежала по пальцам. Лоу вновь тёрла руки мылом, долго, старательно. Мысли путались. Он стоял так близко. Дышал в затылок. Девочка была уверена, что сейчас случится что-то страшное, а он просто отошёл. Просто вернулся к журналу. Она смотрела на воду, стекающую в

слив, и не могла понять, что чувствует. Облегчение? Да, но к облегчению примешивалось что-то другое, смутное, незнакомое. Она не хотела в этом разбираться. Закрыла кран. Вытерла руки.

Ученица подошла к учительскому столу. Харт оторвался от записей и посмотрел на неё. Взгляд спокойный, оценивающий, как смотрят на прибор, проверяя, работает ли.

— Вы хорошо справились. У вас твёрдая рука, когда вы перестаёте бояться.

Эдит кивнула, слова застряли в горле. Никто никогда не говорил ей ничего подобного. Ни мать, ни учителя. Никто не замечал, боится она или нет, справляется или нет, а он заметил.

Харт выдвинул ящик стола. Достал маленькую картонную коробочку и протянул ей.

— Вам пригодится.

Школьница взяла лёгкую коробочку из рук учителя и открыла. Внутри лежал висячий замок, простой, стальной, с двумя ключами на кольце. Она подняла глаза на Харта. Он уже снова писал.

Эдит стояла, сжимая коробочку в руке. В горле встал ком, горячий, давящий. Девочка открыла рот, хотела сказать «спасибо», но губы не слушались. Лоу просто попятилась к двери, на пороге обернулась. Мужчина не смотрел на неё. Писал.

Эдит вышла в коридор, дверь в лабораторию закрылась с



мягким щелчком. Она стояла, прижимая коробочку к груди. Замок. Он дал ей замок. Школьница пошла по пустому коридору, к своему шкафчику. Тот всё так же стоял приоткрытый, внутри по-прежнему пахло мочой и соком. Сегодня она не стала убирать, не было ни сил, ни желания. Завтра.

Лоу вынула замок из коробки. Стальной, холодный. Ключи звякнули. Она продела дужку в петли, защёлкнула. Замок встал на место. Повернула ключ и щелчок. Закрыто. Потянула дверцу, та не поддалась. Точно закрыто. Девочка убрала один ключ в карман джинсов. Запасной ключ положила в коробочку, коробочку в рюкзак.

Школа была пуста. Эдит вышла через главный вход, теперь можно, никто не увидит. Ветер ударил в лицо, бросил под ноги горсть жёлтых листьев. Она застегнула куртку или сунула руки в карманы, спустилась с крыльца и посмотрела на свои руки. Чистые, но она всё ещё чувствовала скальпель. Чувствовала его пальцы поверх своих. Чувствовала тепло его тела за спиной. Девочка шла домой. Считала шаги. Двадцать. Пятьдесят. Сто. Сегодня счёт не помогал. Мысли возвращались к лаборатории. К его голосу. К тому, как он сказал: «Вы хорошо справились». К замку, который теперь висел на её шкафчике.

Эдит не знала, что это значит. Не знала, что будет дальше. Ей нечего было ждать от завтра, но впервые за долгое время это не казалось плохим.

## Глава 3. После уроков

Эдит перестала считать дни, теперь она считала часы до конца уроков. Это началось как-то незаметно. На следующий день после лягушки мистер Харт снова попросил её остаться. Она зашла в лабораторию, ожидая нового препарирования, но лягушки не было. Он протянул ей коробку с пробирками и стекло звякнуло, когда девочка взяла её в руки, попросил рассортировать по размерам. Ученица села за дальний стол, учитель работал за своим: писал, листал справочники, иногда подходил к шкафу с реактивами. Доставал склянку, подносил к свету, ставил обратно. Они молчали. Это было не то молчание, что у неё дома, тяжёлое, как мокрая одежда. Это молчание было лёгким, в нём можно было дышать.

На второй день Лоу перебирала образцы для гербария: сухие листья, приклеенные к картону, ломкие, пахнущие пылью и временем. Перед уходом мистер Харт спросил:

— Почему вы не рассказываете о травле? Директору, матери.

Эдит замерла с рюкзаком в руке. Переступила с ноги на ногу, кед скрипнул по линолеуму.

— Мать не слушает. Директору плевать, он до сих пор не запомнил моё имя.

Мужчина стоял у окна, спиной к ней, медленно проводил

пальцем по краю стеклянной банки, потом повернулся.

— Значит, вы реалистка. Это полезное качество, — кивнул собеседник и вернулся к столу, ничего более не сказав.

На третий день она мыла лабораторную посуду. Вода была тёплой, мыло пахло хлоркой. Лоу тёрла колбу ёршиком — круговыми движениями, старательно. Харт подошёл неслышно, встал за спиной, и девочка вздрогнула, только когда он заговорил:

— Почему вы не даёте сдачи?

Эдит не обернулась, её руки продолжали двигаться — ёршик скользил по стеклу, вверх-вниз.

— Потому что бесполезно. Если ударю, то завтра будет хуже.

Он молчаливо стоял сзади, возможно смотрел на неё, школьнице стало даже неуютно в какой-то момент. Учитель взял с полки чистую пробирку, повертел в пальцах, возможно проверяя качество её работы и поставил обратно.

— Логично, — вновь кивнул мистер Харт. — Идите, на сегодня всё.

На четвёртый день был раствор для консервации. Учитель объяснял пропорции: формалин, вода, глицерин. Она записывала, карандаш скрипел о бумагу. Харт заглядывал в её записи через плечо, уже не так близко, как в первый раз, но достаточно, чтобы девочка снова чувствовала тепло его тела. Достаточно, чтобы дыхание сбивалось. Эдит перестала писать и замерла. Он отступил на шаг, ничего не сказав. Школь-

ница выдохнула и продолжила записывать.

К пятому дню Лоу перестала спрашивать себя: «зачем?». Он зовёт — она идёт. Не потому что боится отказать. Не потому что надеется на что-то. Просто там, в лаборатории, она существует. Харт смотрит на неё и видит иногда разговаривает с ней, девочке этого было более чем достаточно.

На шестой день же всё пошло иначе. Эдит шла по коридору к лабораторному крылу, когда из-за поворота вывернула Бекка Фостер. Одна, без свиты, в руке банка колы, на лице кривая усмешка. Рыжая чёлка идеально уложена, юбка подвёрнута на два дюйма выше положенного. Она остановилась, загородив Лоу проход. Каблук цокнул о линолеум.

— О, бледная моль. Спешешь к своему другу?

Школьница остановилась, сказать ей было нечего. Бекка и не ждала ответа — ей нужна была реакция.

— Все уже заметили, что ты торчишь у Харта после уроков, — собеседница сделала глоток, не сводя с неё глаз и вытерла губы тыльной стороной ладони. — Думаешь, он на тебя запал? Серьёзно? — она усмехнулась и обвела её взглядом с головы до ног. — Ты себя в зеркале видела? Брекеты, очки, ни сисек, ни задницы. Кому ты нужна? Хотя может старый извращенец какой и позарится на тебя, а так без слёз не взглянешь. Убожество.

Эдит молчала. Слова Бекки для неё были как камни, уже знакомые, притёртые. Когда-то они её ранили, теперь просто падали и отскакивали. Она смотрела на хулиганку и думала

о том, что через пять минут будет сидеть в лаборатории, и мистер Харт скажет: «Добрый вечер, Эдит», и этого ей как всегда будет достаточно.

Фостер сделала шаг вперёд. Медленно, почти лениво подняла банку над головой Лоу, жёсть блеснула под лампой, и она наклонилась.

Кола полилась на волосы, на лицо, потекла за воротник. Холодная, липкая. Куртка сразу намокла, пошла тёмными пятнами. Ледяная, липкая. Капли забарабанили по линолеуму у ног. Эдит стояла, опустил руки. Не отступила. Не закричала. Просто закрыла глаза и ждала.

Бекка отступила на шаг. Банка полетела в урну, гулкий стук о жестяной край. Ухмылка стала шире, но в глазах мелькнуло разочарование. Спектакль не удался. Жертва не дёргалась.

— Лоу, видок у тебя теперь, как у тряпки обоссанной, хотя ты всегда такая, — бросила хулиганка и с широкой улыбкой пошла по коридору.

Её каблук простучали и стихли. Девочка открыла глаза и сняла очки. Стёкла были в коричневых разводах, дужка скользила в мокрых пальцах. Волосы прилипли к щекам и шее. Футболка насквозь мокрая, джинсы в тёмных пятнах. Липко. Холодно. Мерзко. Первая же мысль: домой. Нельзя идти в лабораторию, к нему в таком виде. Школьница повернулась к выходу и замерла. Мистер Харт стоял в дверях лабораторного крыла. Руки в карманах халата. Он смотрел на

неё и Эдит впервые захотела, чтобы он не смотрел на неё.

Кровь отлила от лица. Видел. Всё видел. Как она стояла, как лилась кола, как она даже не шевельнулась. Она открыла рот, но слова застряли, в горле пересохло, кола склеила губы. Она облизнула их, сладко и противно в то же время. Что сказать? Что она не трусиха? Что она просто не хотела драки? Что она не слабая? Она сама не знала, кто она. Теперь точно решит, что она тряпка, что с ней можно делать что угодно, что она — никто.

Эдит уже сделала шаг назад, но Харт вынул руку из кармана. Сделал короткий, приглашающий жест.

— Идите сюда.

Голос учителя был ровный, никакого потрясения, никакой брезгливости. Ученица пошла к нему на ватных ногах. Она остановилась в шаге от него, от неё пахло карамелью и кислым. Харт оглядел девочку с головы до ног: мокрые пряди, бурые разводы на футболке, липкие руки. Задержал взгляд на её лице, на том, как дрожали губы.

— Идём.

Он развернулся и пошёл в лабораторию. Эдит последовала за ним, оставляя на полу липкие следы и тёмные отпечатки подошв.

В лаборатории мистер Харт подвёл её к раковине. Достал из шкафчика чистое белое полотенце, сложенное в квадрат. Протянул ей. Ткань коснулась её пальцев, мягкая и сухая.

— Снимите очки. Умойтесь. Полотенце можете не жалеть,

— с холодным спокойствием сказал ей мужчина и отошёл.

Эдит взяла полотенце, прижала к груди. Пальцы дрожали. Она стянула очки, положила на край раковины, аккуратно, чтобы не упали. Стянула мокрую куртку, повесила на спинку стула. Открыла воду. Холодная. Набирала в ладони, плескала в лицо, тёрла щёки, лоб, шею. Кола смывалась, оставляя на коже ощущение липкой плёнки. Она тёрла сильнее. Полотенце намокло, пошло бурыми разводами. Пятна на белой ткани расплзались, как чернила.

Харт стоял в стороне. Не смотрел на неё или делал вид, что не смотрит. Перебирал пробирки на стеллаже, стекло позвякивало. После открыл журнал, что-то отметил и ручка скрипнула. Дал ей время.

Когда ученица вытерлась, он подошёл и протянул ещё одно полотенце — сухое, такое же белое.

— Волосы.

Она принялась отжимать пряди. Скручивала в жгут, сжимала, вода капала на пол. Мистер Харт стоял рядом и смотрел. Не на мокрую одежду, на её лицо. На то, как она вытирается. На то, как двигаются её руки.

— Она часто это делает?

— Каждый день. По-разному, — ответила Эдит, не переставая вытирать волосы.

Мужчина взял с края раковины её очки. Достал из кармана халата платок, принялся протирать стёкла. Медленно, тщательно, круговыми движениями, как протирают линзы

микроскопа. Пальцы двигались точно, без спешки.

— Вы сказали, давать сдачи бесполезно, — заговорил он, не поднимая глаз от очков. — Но ей не становится скучно. Прошло сколько уже, два года? А она продолжает.

Лоу сжала мокрое полотенце в руках.

— Не поэтому, — тихо произнесла школьница.

— А почему?

Девочка запнулась. Поднесла полотенце к лицу, потёрла щёку. Ткань пахла хлоркой, как и всё тут. Мысли путались. Она никогда не объясняла этого вслух, даже себе.

— Это как... — Лоу замолчала, подбирая слова. — Как замок. Если у меня есть замок на шкафчике, Бекка не может туда залезть. Но я не могу повесить замок на весь мир. Если я дам сдачи, придёт Дерек. Если дам Дереку, придёт кто-то постарше. Они не остановятся, пока я реагирую. Единственный способ — стать пустым местом. Пустое место нельзя ударить.

Харт поднёс очки к свету и проверил стёкла на просвет — ни развода.

— Вы не пустое место, Эдит, — протянул учитель ученице её очки.

Она взяла очки. Надела. Мир снова стал чётким, его лицо, его глаза, спокойные, без жалости. Дужка холодила висок. Эдит посмотрела на него сквозь чистые стёкла и не нашлась с ответом. В горле стоял ком.

— Спасибо, — выдавила из себя девочка.



Харт кивнул и отошёл к своему столу. Открыл журнал, перевернул страницу, взял ручку. Уже такое привычное, неизменное для неё движение.

— На сегодня всё. Можете идти.

Эдит задержалась, стояла, мяла в руках мокрое полотенце и ткань уже нагрелась от пальцев.

— Мистер Харт... — начала она робко и ей даже показалось, что голос дрогнул.

— Да?

— Почему вы всё это делаете? Пробирки, вопросы, полотенце. Зачем я вам? — спросила Лоу, искренне не понимая всего происходящего в последние дни.

Он сидел спиной к ней, не оборачиваясь. Ручка замерла над страницей. Потом он медленно повернулся на стуле, взгляд у него как обычно был изучающим и вызывал в ней неловкость.

— Потому что вы — интересный материал, Эдит. А интересный материал встречается редко. Очень редко. — он сделал паузу, следя за её мимикой, положил ручку на стол. — Я бы хотел продолжить наши занятия, более углублённо, за пределами школы. У меня дома есть кое-что, что может вас заинтересовать. Считайте это частным уроком.

— Что? — она моргнула, ожидала услышать, что угодно, кроме этого.

— Не здесь, — Харт взял из ящика стола небольшой блокнот в кожаной обложке, вырвал листок, ручка скрипнула на

нём несколько слов и протянул ей. — Приходите в субботу. Если захотите.

Эдит взяла листок. Бумага была плотная, кремовая. Почерк мелкий, ровный. Адрес на окраине. Она смотрела на буквы и чувствовала, как внутри всё сжимается, не от страха, а от странного, острого предчувствия. Он позвал её домой. Взрослый мужчина. Учитель. Позвал к себе.

Харт смотрел на неё спокойно, не гипнотизировал, не уговаривал. Просто дал адрес, просто ждал ответа.

— Я приду, — сказала наконец Лоу.

— Я знаю, — кивнул он ей.

Губы дрогнули сами, она одёрнула себя, уткнулась взглядом в листок, прижала его к груди. «Что ты улыбаешься, дура?» Пальцы сжали бумагу, на кремовой поверхности осталась влажная складка. Школьница поправила очки и повернулась к двери. Куртка всё ещё была влажной, она надела её, не застёгивая

— До субботы, мистер Харт.

Учитель уже не смотрел на неё, его ручка снова скрипела по бумаге.

Эдит вышла в коридор. Листок в руке. Девочка шла по пустому коридору, считала шаги, и сердце колотилось где-то в горле. Двадцать восемь до поворота. Четырнадцать до лестницы. Она прижимала листок к груди и ничего не могла с этим поделать.

До субботы оставалось три дня. Лоу начала считать.

## Глава 4. Подвал

Суббота началась без будильника. Эдит проснулась в половине восьмого? позже обычного. За окном моросил мелкий дождь, октябрьский, больше похожий на взвесь в воздухе. Она лежала и смотрела в потолок, трещина никуда не делась. Сегодня суббота. Сегодня она идёт к мистеру Харту, к нему домой. Девочка повторила это про себя несколько раз. Домой к мистеру Харту. Звучало неправильно и от этого ещё более захватывающе.

Мать уже ушла, по субботам она работала в прачечной до четырёх. В доме было тихо, только холодильник гудел на кухне да дождь шелестел по карнизу. Эдит встала, умылась, провела расчёской по волосам — раз, другой. Посмотрела в зеркало. Бледная. Очки. Брекетты. Всё как обычно. Надела чистую тёмно-синюю футболку, не новую, но без дырок. Джинсы. Кеды. Взяла рюкзак, он был пуст, просто по привычке. Вышла в половине девятого. Сунула руки в карманы куртки. В левом кармане дырка, она машинально просунула палец наружу, коснулась холодного бедра джинсов. Зашьёт когда-нибудь.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.